

Соловьев Владимир

Буддийское настроение в поэзии

Многие из наших писателей уже находили в легендах буддизма мотивы и сюжеты для своих произведений; но настоящим представителем буддийского *настроения* должно признать такого поэта, который, по-видимому, вовсе не интересуется буддизмом и вообще строго охраняет свой русский стих от всяких чужеродных имен и терминов¹.

Литературная значительность гр. А. А. Голенищева-Кутузова достаточно признана и публикою,-- его стихотворения издаются в третий раз²,-- и Академией наук, избравшей его в члены-корреспонденты и поручающей ему оценку поэтических сочинений, представляемых на Пушкинскую премию. Это признание вполне заслуженно: если не по возрасту, то по литературному типу гр. Кутузов может быть назван "остальным из стаи славной"³ тех поэтов, которые явились вслед за Пушкиным и Лермонтовым; более чем у кого-либо в его стихе слышится какое-то пушкинское веяние; рамки трех главных его произведений ("Старые речи", "Дед простил" и "Рассвет") не выходят из пределов той "деревни, где скучал Евгений"⁴, а в первой из этих трех поэм к пушкинскому внушению нужно отнести и главный характер и развязку. Но при этой зависимости, о которой я упоминаю, конечно, не для упрека, между поэзией Пушкина и гр. Кутузова существует -- не говоря о силе и размерах ясное различие в настроении и тоне. У Пушкина тон бодрый, радостный и уверенный; при самых языческих, мирских и даже греховных сюжетах настроение его все-таки христианское,-- это поэзия жизни и воскресения. У гр. Кутузова, напротив, тон мирный, настроение безнадежное, он поэт смерти и Нирваны, хотя это последнее столь ныне злоупотребляемое слово и не встречается в его стихах.

Гейне разделял умы на "эллинов" и "иудеев"; наш поэт не принадлежит ни к тем, ни к другим; он буддист,-- разумеется, не в смысле каких-нибудь догматов и учений, а в смысле того душевного настроения, которое кристаллизовалось исторически в религии Шакьямуни⁵, но может существовать индивидуально, независимо от нее. Я имею в виду не порицание и не похвалу, а пока только *определение*. Я вывожу его из разбора трех названных поэм, на которых главным образом основано литературное значение нашего поэта. Помимо намерения, а может быть и помимо сознания автора, эти три лирические поэмы связаны между собою как последовательные ступени в развитии одного и того же настроения {Внешний признак принадлежности этих пьес в лирической, а не в эпической поэзии состоит в *безымянности* действующих лиц. Только второй рассказ приближается несколько к эпическому строю, соответственно чему и два главные лица в нем обозначены хотя и не именами, а титулами.}.

II

Одиноким, во всем отчаявшийся преждевременный старик возвращается после многих лет странствования в свой деревенский обветшалый дом, где его узнает и приветствует только дряхлый пес. Все остальное ему чуждо, он окружен бледными призраками воспоминаний и мертвыми следами минувшего.

Он в них безмолвно, тихо бродит,
Как гость могил, среди крестов
И сердцу милых мертвецов
По ветхим подписям находит
И внемлет смертный их покой,
К гробам прикинув головой.
В толпе иных воспоминаний
Живей являлося одно.
Огнем несбывшихся желаний
Больнее душу жгло оно⁶.

Найдя старую тетрадь дневника, унылый шутник читает в ней краткую историю своей любви к